

ДЕТСТВО ГЕНИЯ

(о выдающихся людях, влиянии воспитания на становление характера будущего гения)

МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ

Ф

амилия Мусоргских ведёт начало из глубин русской истории: предки их были записаны в «Бархатную книгу», родоначальником своим они считали князя Смоленского, Рюриковича, потомок которого, Роман Васильевич Мусоргский, живший в XV веке, и был основателем фамилии. Поместье Мусоргских в Луцком уезде Псковской губернии было пожаловано одному из предков композитора.

По традиции Мусоргские посвящали себя военной службе: и прадед композитора, и дед были гвардейцами. Отец, Пётр Алексеевич, тоже должен был стать гвардейским офицером, но этому помешало то, что он был незаконнорождённым сыном дворянина и крепостной девушки. Позже, в 1820 году, брак был

узаконен, и Алексей Григорьевич, дед композитора, смог официально усыновить своих детей, но военная карьера для Петра Алексеевича Мусоргского была уже закрыта.

Романтический «неравный» брак не был барской блажью. Ирина Егоровна была первой запевалой и хороводницей, незаурядной русской женщиной с сильным характером. А поскольку сыновей от первого брака у Алексея Григорьевича не было, то её сын Пётр (отец будущего композитора) и оказался наследником большого имения в Псковской губернии. Имение не отягощало Петра Алексеевича хозяйственными заботами. Прослужив восемь лет чиновником сената в Петербурге, он в 1822 году вышел в отставку в должность коллежского

секретаря, женился и поселился в деревне. Пётр Алексеевич — хлебосольный хозяин, весельчак и кутила, он часто приглашал к себе соседей; вместе обильно ужинали, танцевали, катались на лодках. Получая оброк со своих крепостных, Пётр Алексеевич тратил деньги без всякого расчёта, а в случае острой необходимости закладывал часть имения, благо земли было много.

Мать композитора, Юлия Ивановна, урождённая Чирикова, была женщиной мягкой и доброй. В уезде она слыла образованной дамой: воспитанная в благородном пансионе, она говорила по-французски, играла на фортепиано, писала стихи и сама учила своих детей грамоте, арифметике, французскому языку и хорошим манерам. В её роду также было много военных (в том числе и знаменитый полководец М. И. Кутузов-Смоленский), и своих мальчиков она мечтала видеть военными.

Двое первых детей Мусоргских умерли в младенчестве. Третьим — в 1836 году — родился Филарет, болезненный и слабый ребёнок; за жизнь его также одно время опасались. А 9 марта 1839 года в семье появился ещё один сын, Модест.

Пору своего детства Модест Петрович вспоминал как самую счастливую. Любящая мать, первые музыкальные впечатления, игра

с крепостными ребятами (родители не противились этому). Неяркая, но такая тонкая, нежная, родная красота окружающей природы — это было действительно счастьем. Очаровывали мальчика и нянины сказки. Няня, опекавшая барчуков, по-видимому, была человеком талантливым и духовно богатым — мальчики были очень привязаны к ней. Помещаясь во флигеле, недалеко от усадебного дома, дети, конечно, гораздо больше времени проводили с няней, чем с родителями. От неё впервые воспринял маленький Модинька музыку северной русской речи, с характерным неторопливым суховатым выговором. Сам композитор писал позже в автобиографии: «Под непосредственным влиянием няни близко ознакомился с русскими сказками. Это ознакомление с духом народной жизни было главным импульсом музыкальных импровизаций до начала ознакомления с самыми элементарными правилами игры на фортепиано».

Другое и очень яркое музыкальное впечатление получил мальчик от игры матери, которая неплохо владела фортепиано. Отец тоже любил музыку, особенно романсы Алябьева, Варламова, которые и сам с удовольствием исполнял. Тягу Модиньки к музыке первой заметила мать. Подслушав как-то его импровизацию на фортепиано, навеянную

сказками няни, мать почувствовала незаурядные способности мальчика к музыке и, к великой его радости, начала заниматься с ним. Музыкальную грамоту ребёнок усваивал легко и быстро, да и технические упражнения, и пьески из детского репертуара самой Юлии Ивановны давались ему с лёгкостью. Музыкальное развитие мальчика пошло так быстро, что вскоре он только по слуху, без нот выучил и более сложные вещи, которые слышал от матери. Стало ясно, что Модесту необходимо заниматься с учителем. Решили взять детям гувернантку-немку (тем более, что мальчики подросли: старшему, Филарету, было уже десять лет, Модесту — семь), которая должна была учить детей кроме игры на фортепиано немецкому языку, арифметике, грамматике и географии.

Уроки истории родного края мальчик в изобилии получал от людей, хранивших устные предания о давних событиях. Романтика прошлого будоражила его воображение. В праздничные дни небольшой городок Торопец радовал глаз красками старинных национальных костюмов на гуляньях и хороводах; а русские песни Модест мог слушать часами. Любили мальчики смотреть в городе «камедь» — комедию, кукольный марионеточный спектакль, в котором действующими лицами были барин, приказчик, писарь, су-

дья, купец, монах; каждый из них получал едкую сатирическую характеристику. Хлёсткие стихи так метко передавали облик каждого типажа, что зрители покатывались со смеху. Модест был также в восторге и каждый вечер бежал смотреть спектакль, тем более, что в Торопце в то время по праздникам давали такие «спектакли» около десяти раешников. У одних был кукольный театр, у других — «бумажная камедь», или «китайские тени».

Однако отец не разделял всеобщей радости: увлечение младшего сына простонародными забавами не очень ему нравилось — ведь он готовил детей к военной и светской карьере. В гвардейскую школу можно было определить мальчиков с тринадцати лет, а Модесту было только десять. Отцу порекомендовали «Петершуле» — Петропавловскую школу, в которой преподавание велось исключительно на немецком языке. В надежде, что строгие порядки дадут другое направление развитию Модеста и вытеснят из его головы раешные присказки, отец остановил свой выбор на этой школе.

В общем, вопрос об образовании был решён. К тому же отец рассчитывал, что, живя в пансионе, Модест сможет продолжать и музыкальные занятия — брать уроки музыки у лучших петербургских преподавателей. Летом 1849 года Пётр

Алексеевич с сыновьями выехал в Петербург, и в августе они прибыли в столицу. Определить Модеста в младший класс Петропавловской школы было нетрудно, но Филарета в школу гвардейских подпрапорщиков не приняли: он не выдержал вступительных экзаменов. Поэтому и его было решено зачислить в старший класс Петропавловской школы, с тем чтобы через год снова держать экзамен. Устроив мальчиков, Пётр Алексеевич договорился и о занятиях Модеста музыкой с Антоном Августовичем Герке — одним из лучших петербургских педагогов.

Петропавловская школа была одним из лучших учебных заведений: программа обучения была продуманной и гораздо более глубокой, чем во многих благородных пансионах, а обстановка и взаимоотношения педагогов с учениками — деловыми и доброжелательными. Учёба Модесту давалась легко, а главное — он занимался с интересом. Занятия музыкой также шли успешно: Герке руководил развитием своего подопечного с типичной немецкой аккуратностью и основательностью. Он заставлял работать учеников с прилежанием. Герке не смог увидеть в Мусоргском его таланта; преподавая другим кроме фортепиано теорию музыки и композицию, с Модестом он этими предметами не занимался. В отроческом возрас-

те Модест как музыкант был предоставлен самому себе. Формирование музыкально-эстетических представлений у него проходило совершенно самостоятельно, независимо от традиционных канонов и школьных правил. Однако школа Герке дала отличную пианистическую технику. В сочетании с прекрасной музыкальной памятью ученика, тонким слухом и врождённым пианизмом возникали все условия для быстрого пианистического развития. Успехи не заставили себя долго ждать. К концу третьего года занятий учитель решил показать юного пианиста в благотворительном концерте в салоне статс-дамы Рюминой, старинной знакомой семьи Мусоргских. Исполнив эффектное рондо Герца, Модест имел большой успех; «вундеркинду» рукоплескали. Даже строгий учитель был доволен учеником и на память о первом публичном выступлении подарил ему ноты — сонату *As-dur* Бетховена.

Но если музыкальное развитие Модеста шло равномерно, то общее образование получило не совсем благоприятное направление — ему пришлось поступить в школу гвардейских подпрапорщиков, где важнейшими предметами считались военный устав и строевая подготовка, хотя, несмотря на казарменную атмосферу, в школе при желании можно было получить неплохие знания по отдельным

Детство гения

предметам; в ней преподавали университетские профессора.

Музыкальность Модеста проявлялась не только за фортепиано: он ещё отлично владел голосом (у него был приятный баритон) и пел в церковном хоре юнкерской школы. Для товарищей он пел и арии, из модных тогда итальянских опер. Уже в то время появилось замечательное качество Мусоргского-интерпретатора: искренность исполнения, полное подчинение музыкальной стихии. В 1856 году Модест Мусоргский окончил гвардейскую школу, и его, как одного из лучших выпускников, определили на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, славившийся ещё с петровских времён.

Пустая жизнь гвардейского офицера довольно скоро начала тяготить Модеста, а интерес к музыке становился всё серьёзнее и глубже. Среди товарищей по Преображенскому полку появились любители-музыканты — певцы, пианисты, дилетанты-композиторы, которые образовали маленький музыкальный кружок. На музыкальных вече-

рах кружка Мусоргский виртуозно играл, импровизировал, нередко там случались горячие споры, словесные схватки на ту или другую тему, касающуюся музыкальной жизни того времени. Национальная музыка была «не в моде», считалась второсортной и исполнялась редко и плохо. Оперы Глинки общество не принимало. Поскольку почти невозможно было услышать произведения русских авторов, Мусоргский, стремившийся узнать глубже русскую музыку, с радостью принял предложение одного из товарищей познакомиться с другом Глинки, известным композитором Александром Сергеевичем Драгомыжским, в доме которого собирались интересные музыканты, исполнялись романсы и отрывки из опер Глинки и самого Драгомыжского. В доме у Драгомыжского Мусоргский впервые увидел серьёзное, профессиональное отношение к музыке, познакомился с людьми, думающими о путях развития отечественной музыкальной культуры, и главное — своим творчеством пролагающими этот путь.

